

⁹ РГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.191. Л.100.

¹⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп.2. Д.100. Л.3, 29.

¹¹ Вишняковский А.Г. Смет и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С.173.

¹² Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С.20.

¹³ Шавлов А.В. Проблемы развития личных хозяйств уральских рабочих (1917–1927 гг.). С.39; Чуфаров В.Г. Осуществление культурной революции в СССР и коренное изменение духовного облика трудящихся советского Урала // Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972. С.142.

¹⁴ ГАСО. Ф.272. Оп.1. Д.653. Л.41–42.

¹⁵ 17 съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1934. С.297.

¹⁶ ГАСО. Ф.272. Оп.3. Д.1349. Л.3 об.; ЦДООСО. Ф.4. Оп.11. Д.1264. Л.85.

¹⁷ Бесбожников. 1933. 25 янв.; ЦДООСО. Ф.4. Оп.15. Д.695. Л.101–102.

¹⁸ Постников С.П. Модернизация и социокультурные процессы в городах Урала (конец 1920–1930 гг.) // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С.112–113.

¹⁹ Крутинская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. С.191.

²⁰ Быкова С.И. Насилие против насилия: опыт противостояния верующих атеистической власти в 1930-е гг. (по материалам Уральского региона) // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С.284.

²¹ Об антирелигиозной пропаганде. М., 1940. С.12.

²² ЦА ВЛКСМ. Ф.1. Оп.1. Д.191. Л.100 (конец 20-х — 1930-е гг.)

²³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.14. Д.716. Л.6; Оп.13. Д.614. Л.81; Ф.161. Оп.1. Д.866. Л.81.

²⁴ ГАСО. Ф.233. Оп.1. Д.1278. Л.12.

*М.А. Фельдман
(Екатеринбург)*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕКУЛЬТУРНОМ УРОВНЕ РАБОЧИХ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Вопрос об общекультурном уровне рабочих в период 1929–1941 гг. следует отнести к числу наиболее актуальных среди исследований, посвященных истории России советского периода. В литературе 30–80 гг. XX в. не вызывал сомнений тезис о ведущей роли рабочего класса во всех областях социалистического строительства, в том числе, и в сфере культуры¹.

Рассмотрим реализацию этих планов в той сфере, которая в первую очередь должна была подвести рабочих к уровню знаний интеллигенции — в области высшего и среднего специального образования. С конца 20-х гг. государство обозначило приоритеты в общеобразовательной подготовке рабочих. В первую очередь, повышенные формы обучения касались коммунистов и комсомольцев; затем, ударников, а с 30-х гг. — стахановцев. Последняя пропаганда рисовала как передовых рабочих, новаторов. Далее, в списке приоритетов, шли рабочие крупных промышленных центров, и, наконец, остальные рабочие. В реальной жизни эта иерархия, в определенной степени корректировалась малограмотностью значительной части коммунистов и комсомольцев, ударников и стахановцев. Архивные документы раскрывают ракурсы биографий стахановцев: в своей массе это были вчерашние неграмотные или малограмотные рабочие. Справедливость данного вывода подтверждает анализ биографий 500 наиболее известных стахановцев СССР — 60,7% из них являлись выходцами из деревни; почти половина имела стаж 3–4 года. Аналогичное заключение можно сделать и при изучении жизненного пути первых стахановцев Урала².

Обратим внимание на следующее обстоятельство. Призыв государства к рабочим — “Пролетарии — в вузы!” нашел благодатный отклик у рабочей молодежи. О размерах данной социальной группы можно судить по следующим показателям: к 1929 г. на Урале были два рабфака, в которых обучались около 1000, а ежегодный выпуск составлял не более 300 человек. Переход к “штурмовым” методам привел к тому, что за 1928/29 г. — 1931 гг. численность учащихся рабфаков Уральской области выросла в 11 раз. Всего же в конце первой пятилетки в индустриальных вузах и техникумах Уральской области обучались более 15 тыс. рабочих и их детей³. Было бы неверно не замечать ни масштабность указанного явления, ни радикальность такого “рывка к знаниям” малограмотных в своей массе рабочих.

Но задумаемся: сколько же из молодых рабочих и детей рабочих закончили высшие учебные заведения Урала? По нашим примерным подсчетам, за 20–30-е гг. этот показатель составил около 10 тыс. рабочих, или около 1% по отношению к численности рабочих промышленности региона в 1940 г.⁴ Подготовить большее число специалистов из пролетарской среды помещали образовательный уровень большинства рабочих, низкое качество подготовки в период сокращения сроков учебы; слабое развитие заочного обучения. Сеть заочного обучения охватывала на Урале в 1931 г. до 5 тыс. человек, в том числе, около 1 000 рабочих, однако спустя 5 лет инженерами стали только 8 студентов-заочников. Выпуски второй половины 30-х гг. исчислялись десятками специалистов⁵. Введение платности обучения с октября 1940 г. — малоисследованный сюжет нашей истории — сузило саму возможность получения рабочими высшего и среднего специаль-

ного образования. Плата за обучение составляла в вузах 300 руб., т.е. немногим меньше месячной зарплаты рабочего промышленности Урала (315 руб.). Сокращение численности студентов вузов Уральского региона с 36 286 до 29 872 чел. в 1940/1941 учебном году или в 1,21 раза, прошло, как показывают архивные материалы, в основном за счет представителей малоимущих слоев⁶.

Между тем, обещания в короткий срок повысить культурно-технический уровень рабочих до уровня ИТР с одной стороны; низкие заработки с другой — привели к снижению престижа рабочей профессии у части рабочей молодежи (и это в условиях беспрецедентного официального восхваления рабочего класса, как «гегемона»). Только каждый третий из опрошенных в 1929 г. учащихся школ ФЗУ заявил, что хотел бы работать после окончания учебы по специальности; 62,8% хотели бы продолжать обучение в вузе или техникуме⁷. О серьезности проблемы свидетельствует принятие специального постановления ЦИК и СНК, запрещающего поступление в вузы после ФЗУ⁸.

Несоответствие мечтаний и реальной жизни подкрепляло враждебные настроения по отношению к интеллигенции, готовность обвинить специалиста во вредительстве. Подобные настроения отсутствовали у той части рабочих, включая молодежь, которая росла в семьях потомственных квалифицированных рабочих, хранила гордость за свою профессию, требующую в ряде случаев, высокого мастерства. Резюмируя, отметим, что заданные идеологией приоритеты обучения рабочих, привели к 1941 г. к увеличению разрыва в уровне общеобразовательных знаний молодых и пожилых, квалифицированных и неквалифицированных рабочих; к неравенству доступа к образованию в рабочем социуме.

Осуществление программы технического обучения рабочих в годы первых пятилеток следует отнести к разряду наиболее удачных свершений в годы Советской власти. Сочетание подготовки рабочих, как в рамках профтехшколы, так и непосредственно на производстве позволило существенно повысить квалификацию рабочих кадров. К позитивным сторонам государственной программы техучебы рабочих непосредственно на производстве следует отнести прежде всего обязательность обучения и последовательность стадий обучения. Сочетание этих принципов с жестким контролем тоталитарного государства (увольнение за не сдачу техэкзамена) позволило, во-первых, пропустить через начальное звено системы техучебы подавляющую часть рабочих Урала, причем, в силу текучести, вследствие перемены профессии значительная часть рабочих сдавала техминимум несколько раз. Во-вторых, более половины рабочих промышленности региона к 1941 г. окончили курсы повышения квалификации, а порядка 2% — высшее звено системы техучебы — курсы мастеров социалистического труда (КМСТ)⁹. Сопоставление методического и научно-исследовательского обеспечения (сравним, например, наличие на Урале двух из семи в СССР институтов технической учебы рабочих и отсутствие до 1939 г., как на уровне РСФСР, так и на уровне областей, аппарата работников, занимавшихся методическими проблемами школ взрослых)¹⁰, степени внимания со стороны руководящих органов, и, как следствие, полноты охвата трудящихся в рамках двух систем — общеобразовательной и технической подготовки рабочих — позволяет сделать вывод о существенном приоритете развития последней системы. В сочетании с переходом в 30-е гг. школ ФЗУ к узкоремесленной подготовке рабочих вместо политехнической¹¹, подобный перекос вел формированию у рабочих технократического восприятия действительности. Выборочный характер модернизации диктовал и выборочный характер образования и, как следствие, однобокость формирования культурного уровня рабочих.

Примечания

¹ См., напр.: История Советского рабочего класса в шести томах. Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 гг. Т.2. С.9.

² См.: Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. М., 1988. С.153–154; ЦДООСО. Ф.4. Оп.14. Д.381. Л.83, 89; Д.382. Л.7, 28, 131.

³ Подсч. по: Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. (1926–1937 гг.). Свердловск, 1974. С.143, 159.

⁴ Подсч. по: Там же. С.131–134, 152–153, 177–178.

⁵ Там же.

⁶ Подсч. по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.1069. Л.36, 71, 92–93, 114, 149, 170, 210; ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д.113. Л.16–17. Больше, чем по Уралу в среднем, сокращение имело место в Башкирии и Удмуртии.

⁷ Постников С.П. Партийное руководство подготовкой рабочих кадров на Урале (1920–1930-е гг.). Свердловск, 1990. С.101. См. также: Вопросы труда. 1930. № 6. С.78; Школа взрослых. 1941. № 3. С.31.

⁸ СУ СССР. 1933. № 59. Ст.357.

* Фельдман М.А. К вопросу о культурно-техническом уровне рабочего класса Урала в годы третьей пятилетки // Индустриальные кадры Урала в условиях социализма. Свердловск, 1986. С.20-21.

¹⁰ См.: ГАРФ. Ф.2306. Оп.70. Д.5126. Л.12; РГАЗ. Ф.7297. Оп.7. Д.325. Л.1-5.

¹¹ Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. С.186-187; 200-201.

*Г.Н. Шумкин
(Екатеринбург)*

ОБОРОННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ УРАЛА ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904-1905 гг.)

Деятельность оборонной промышленности России во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. является слабо освещенной темой. В данной работе рассматривается частный аспект этой проблемы — развитие производства вооружения на предприятиях Урала в 1904-1905 гг.

В начале XX в. на Урале вооружение выпускали Ижевские заводы Военного министерства и казенные горные заводы Министерства земледелия и государственных имуществ. Накануне Русско-японской войны эти предприятия были весьма неравномерно загружены военными заказами.

Ижевские сталелитейный и оружейный заводы были заняты, в основном, производством стрелкового оружия. Сталелитейный завод поставлял всем трем оружейным заводам России стволы и коробки для винтовок, стволы для револьверов Нагана и специальные сорта стали. Ижевский оружейный завод производил около 30% 3-линейных (7,6 мм) винтовок Мосина; причем он был единственным в России, который выпускал не только пехотную, но и две другие ее модификации — драгунскую и казачью. В начале XX в. с окончанием перевооружения армии винтовкой Мосина ежегодное производство Ижевских заводов сократилось с 100 тыс. винтовок и 151 тыс. стволов в 1900 г. до размеров «планового наряда» — 20 тыс. винтовок и 50 тыс. стволов и коробок. Это привело к сокращению числа рабочих в 1900-1903 гг. с 8271 до 4874 человек. Чтобы занять «лишние» рабочие руки на заводах была проведена реконструкция (в частности: станочный парк был переведен на электропривод) и начато освоение новых производств: в 1900 г. — стальных 3-дюймовых (76 мм) шрапнелных снарядов, в 1903 г. — ленточной стали для винтовочных обойм, прежде закупавшейся за границей. В целом же сокращение числа рабочих негативным образом скажется на производительности заводов во время войны с Японией¹.

Казенные горные заводы в начале XX в. выпускали около 40% артиллерийских орудий и снарядов, все холодное оружие и весь черный металл, необходимый государственным предприятиям для производства вооружения и брони. Самым мощным среди них был Пермский пушечный завод. Изготавливая стальные снаряды почти всех типов и калибров и орудия сухопутной артиллерии, он был крупнейшим снарядным и вторым (после Обуховского) орудийным заводом России. Вторым по значимости был Златоустовский завод, являвшийся монополистом в производстве холодного оружия для армии. Кроме того, он выпускал стальные шрапнелные и фугасные снаряды малых и средних калибров для сухопутной артиллерии. Накануне войны, в 1903 г., Снарядный цех завода сгорел, поэтому производство снарядов здесь разворачивалось заново. Военное производство прочих казенных горных заводов было менее значительным. Саткинский, Кузинский, Верхнетуринский, Баранчинский и Каменский заводы выпускали устаревшие чугунные снаряды, которые в конце XIX в. — 1900-х гг. стали заменяться на стальные. Воткинский, Нижнеисетский, Нижнетуринский, Серебрянский и Артинский поставляли металл и полуфабрикаты предприятиям военного и морского ведомств.

Вклад казенных горных заводов в выполнение военных программ мог бы быть более весомым. В общем объеме производимой ими продукции на долю продукции военного назначения приходилось около 50%, остальное — на продукцию «мирного» назначения. Но ни заказчики — Военное и Морское министерства, ни исполнитель — горный департамент не хотели попадать в зависимость друг от друга. Заказчики обвиняли казенные горные заводы в постоянном срыве сроков выполнения заказов. Исполнители, в свою очередь, упрекали заказчиков в медлительности с пересылкой технической документации и в частом изменении требований к заказанным изделиям уже на стадии их изготовления. Кроме того, заводы Урала (за исключением Златоустовских) до пуска в 1906 г. Петербурго-Вятской железной дороги отправляли свою продукцию архаичным, ненадежным способом, сплавляя ее по рекам.

Накануне войны вследствие обострения отношений с Японией военное производство на горных заводах заметно оживилось. Военное и Морское министерства, следуя требованию пра-